

1.6. В порядке дискуссии

УДК 32.001

DOI: 10.21146/1606_6251_2023_1/2_175_193

А.В. Никандров

СОВЕТСКИЙ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МАРКСИЗМ» КАК ИДЕЙНАЯ СИСТЕМА

***Аннотация:** статья посвящена анализу советского «государственно-марксизма» как идейной системы Советского государства, построенной И.В. Сталиным на основе учений К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина и служащей в СССР фундаментом для функционирования советской государственной идеологии. Советская идеология как идеология советского социалистического государства была основой всей жизни страны.*

«Государственный марксизм» в СССР был создан как «догматичное», императивное учение; в своей структуре и содержании логично проработанное. Структурно эта идейная система представляла собой единство теории, «догматики» и риторики. К идейному наследию классиков марксизма-ленинизма как при Сталине, так и после него, советское руководство подходило прагматично. Главной целью советской идеологии было установление и поддержание единства Советского государства. Практической целью «государственно-марксизма», помимо легитимации власти, было обоснование внутренней и международной политики КПСС. Автор обосновывает необходимость и благотворный эффект идеологии для СССР.

Никандров Алексей Всеволодович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва). E-mail: bobbio71@mail.ru

Ключевые слова: советская идеология, марксизм-ленинизм, догматизм, риторика, СССР, государственный марксизм, И.В. Сталин.

Зачем нужна идеология? (вступление) Споры на тему «нужна ли современной России идеология» и «какая идеология нужна России» ведутся в нашей стране с давнего времени – практически после ухода СССР в историю. Часто предлагается «придумать», «смонтировать» идеологию, чтобы затем «ввести» её как обязательную, императивную («как в СССР»).

Совершить эти два движения вместе или последовательно, по всей видимости, невозможно: «сконструировать» какую-либо идейную систему современным российским идеологам всё же вполне по силам, но этот продукт, рождённый в «лабораторных» условиях, вряд ли каким-либо образом удастся продвинуть дальше кабинетов, библиотек, кафедр или иных мест обитания российских идеологов; т.е. «выдумать» можно, но с какой целью? Ведь если нет решимости государства «обрести» (тем или иным образом) идеологию, то есть ли смысл в усилиях по её продуцированию? Тем не менее большинство обществоведов и немалая часть политиков полагают, что она всё же нужна.

Идеология нужна народу, чтобы быть ориентированным в историческом времени и иметь перед собой образ возвышенного будущего, целеустремленность, уверенность и перспективы, а также спокойное и оптимистичное мироощущение (спокойствие и оптимизм особенно важны, учитывая принципиальную стрессо- и депрессогенность капитализма). Нужна она и государству: идеология придает ему силу, смысл и цель; правда, она же представляет собой своего рода оковы, налагаемые государством на себя, – не это ли причина отсутствия интереса к ней у современной политической элиты?

Попытки её создания предпринимаются, и некоторые, прежде всего консервативные проекты, достаточно убедительны, но дальше составления проектов, обоснований и, соответственно, публикаций дело не идет. По словам А.В. Трухана, «востребованность постсоветским общественным сознанием новой идеологии достигает гамлетовской остроты постановки вопросов... При всей напряжённости и плодотворности интеллектуальных усилий консервативных идеологов, необходимо признать, что тео-

ретическая разработка практически реализуемой альтернативы господствующей либеральной идеологии не даётся по целому ряду причин» [15, 45–46]. Эти причины учёным называются, они достаточно убедительны.

Поскольку в литературе существует бесчисленное множество определений идеологии, а разные авторы часто совершенно по-разному понимают этот общественно-политический феномен, то любому из тех, кто касается этой проблемы, следует кратко обозначить, как именно он её понимает, или же привести определение, с которым автор солидарен. В качестве такового есть все основания взять определение, предложенное Ф.Г. Войтоловским: «...Политическая идеология может быть определена как система идей и представлений об организации, развитии и функционировании общества, которая имеет определённую ценностную ориентацию, предполагает связанные с ней гипотезу прошлого развития этого общества, интерпретацию настоящего и идеальную модель будущего социального порядка как внутри её социального субъекта-носителя, так и в сфере его отношений с другими субъектами (в том числе и миропорядка)» [5, 32].

В том, что современное российское государство нуждается в идейной системе, признаваемой и принимаемой властью (элитой), мало кто сомневается. Об этом говорят политики, учёные, писатели: так, писатель Михаил Елизаров утверждает: «Проблема России как государства в том, что она не занимается идеологией. Идеология – мистическая наука, нужны жрецы ... Существует страна, и есть её астральный, идеальный первообраз. Перетянуть его, материализовать, перетащить с Небес в земную реальность можно только при посредстве проводников. ... Если у страны нет идеологии – у неё нет энергетической защиты» (цит. по: [14, 239]).

Известный учёный-историк и публицист А.И. Фурсов говорит: «Новый мир построит тот, кто сформулирует новые смыслы, образ будущего, в соответствии с этими смыслами, создаёт оргструктуры (команды), которые способны реализовать всё это как программу и, в случае необходимости, сможет силовым, военным способом защитить и саму реализацию, и её результаты. Именно в такой последовательности: сначала победа в “метафизике” и только потом и на такой основе – победы в

“физике”. А это невозможно без идеологии, без высокой идейности» [16, 4].

Конечно, следует двигаться в этом направлении: обсуждать, спорить, формулировать, предлагать; быть в курсе того, что делается в этой области, какие работы выходят, чему конкретно посвящаются споры в данный момент. Но чтобы «сформулировать идеологию», надо представлять вектор, направление, в котором надо работать, и это — геополитические интересы России; а также иметь перед собой образец.

Такой образец есть, он — бесспорный и всемирно признанный, своего рода эталон, «золотой стандарт» идеологии, и это — советская идеология. Её не получится заново «ввести» (прежде всего потому, что мы живем в капиталистическом обществе), но её можно и нужно изучать, — точнее, изучать более углубленно, развернуто, вдаваясь во все теоретические и исторические детали.

Смысл и основатели идеологии советского государственного марксизма. Советская идеология была идеологией государственной, выступая причем в двух смыслах. Первый смысл — её императивность, общеобязательность. Идеология была в СССР основой всей жизни страны. Об этом написано немало, и этот её модус достаточно хорошо изучен. Второй смысл словосочетания «государственная идеология» состоит в том, что основой самой этой идеологии была теория Советского социалистического государства как государства нового типа; теория, созданная в своих фундаментальных положениях В.И. Лениным на основе учения Маркса и Энгельса, и развитая И.В. Сталиным.

Эта «государственная теория» постоянно развивалась, корректировалась, дополнялась — и подчас совсем не марксистскими положениями. Вектор развития советского «государственного марксизма» задавался как внутренними задачами, так и геополитическими интересами и императивами СССР, которые, понятно, постоянно изменялись, как и интересы любого государства. Государственная теория являлась матрицей для государственной же идеологии, и вот в этом своем смысле она не стала предметом пристального исследования.

В пределах исторической жизни Советского Союза «государственный марксизм» по определению не мог быть предметом анализа, ибо сам являлся основой и отправной точкой вся-

кого научного анализа; за пределами исторической жизни СССР исследования такого рода едва ли могли показаться особо перспективными и интересными.

Действительно, в чем может состоять смысл внимательного изучения изменений в теории, введения новых концептов, если марксизм стал считаться чем-то вроде «секулярной религии», «светского догматизма», «официального» учения, обязательного к заучиванию и имеющего целью всего лишь легитимизировать действия власти, и потому в содержательных аспектах — совершенно неинформативным собранием цитат классиков, решений партийных форумов, текстов действующих правителей. Раз вера исчезла — стало быть, тексты омертвели, дух покинул букву, — чего же ради углубляться в изучение мертвых текстов?

Советский «государственный марксизм» в целом и деталях был построен усилиями И.В. Сталина и сталинских учёных-обществоведов, идеологов, политиков. Тот марксизм-ленинизм, который был этими усилиями создан, вполне правомерно называть сталинской «политической догматикой», или просто «сталинским догматизмом», вкладываем ли мы в слово «догматизм» негативный смысл или нет. В целом эта идейная система представляет собой систему положений о советском государстве, его идеале и цели, его месте в мировой политике и мире, его исторической сущности. Эти положения необходимым образом носят непререкаемый, установочный характер.

Если в отношении политических теорий, концепций, даже отдельных концептов в их рамках, можно и нужно ставить вопрос о «соответствии истине» (как бы мы при этом ни понимали истину в политическом преломлении), то в отношении «догматики» — нет, так как она и есть истина. Изменения в «догматический корпус» («канон») могут вноситься особым, «авторитетным» образом, с привлечением специфических «ритуалов»; в основном, при отсутствии резкого контраста с фундаментальными положениями и установками базовой теории (марксизма); главная роль в этом принадлежит главе партии и государства, им же осуществляется такая инициатива — во всяком случае, он и только он придает импульс важнейшим нововведениям и изменениям в теории.

Отнюдь не всякий глава Советского государства мог результативно осуществить свое право на *auctoritatis interpositio*. Так,

принцип «общенародного государства», введенный на XXII съезде КПСС в третьей Программе партии и отождествившийся с именем Н.С. Хрущева (хотя разработана эта Программа была ещё при Сталине), стал объектом критики со стороны китайских и албанских коммунистов (как образец ревизионизма, отрицания классовой сущности государства); тогда как связанный с именем Л.И. Брежнева концепт «развитое социалистическое общество»/«развитой социализм» обрел счастливую судьбу в теории и идеологии. Дело вовсе не в том, что «общенародное государство» контрастировало с центральным тезисом марксизма о классовой природе государства: у Хрущева попросту не было достаточного авторитета для совершения изменений в «догматике», а вот у Сталина, под эгидой которого этот принцип («всенародное государство»), как и другие новации третьей Программы (проект которой был готов к осени 1947 г.), был разработан, — хватило бы безусловно (см.: [11]).

Говоря о Брежневе, нельзя не отметить его идеологического прагматизма, в чем он близок к Сталину и о чем говорит, к примеру, Сюзанна Шаттенберг: «...Отношение Брежнева к идеологии можно описать как прагматическое или функциональное. На первом месте находилось общественное благо, затем следовало найти правильную цитату Ленина, чтобы обосновать свою позицию; в случае необходимости он просил своих помощников свободно интерпретировать теоретиков и при необходимости изобрести новую стадию социализма» [18, 390].

Сталинская «догматика» строится на центральных, сущностных постулатах учения Маркса и Энгельса в его развитии Лениным и самим Сталиным. Эти максимы теории только по видимости были фундаментальны по отношению к советскому государственному и партийному строительству (как и к советскому праву). Конечно, интересы государства не могли определяться никакой теорией, сколь «истинной» или «непревзойденной» они ни была. Интересы государства всегда первичны, теория же, как и построенная на её основе идеология, нужны были прежде всего (но, разумеется, не только) как инструменты внутренней и внешней репрезентации власти.

Роль И.В. Сталина в этом велика, хотя она зачастую принижается, а иногда и просто отрицается. Говорят об «упрощении»,

«выхолащивании», «омертвлении», «схоластизации» марксизма, о полном своеволии Сталина при обращении с этим учением. Так, Д.С. Хмельницкий пишет, что «1930-1931 годами можно датировать конец в СССР коммунистической идеологии в её марксистских догматических вариантах. С этого момента Сталин делал с марксизмом всё, что хотел. Мяс, выворачивал наизнанку, лепил из него любую выгодную в данный момент конструкцию» [17, 35].

В наиболее распространённых вариантах такого подхода дело представляется так, будто бы Сталин «омертвил» марксистско-ленинское учение, догматизировал его (см. прим. 1). Странное получается «омертвление», когда учение стало идейным каноном огромной и могущественной страны, т.е. марксизм все-таки стал всесильным, причем не потому что это учение верно (это не имеет первостепенного значения), но потому, что оно было необходимо государству.

«Омертвление» марксизма зачастую отождествляют с его превращением из революционной в консервативную идеологию, «дереволюционаризацией». Это совершенно логично со стороны руководства, перед которым стояла задача строить государство, а не раздувать «мировой пожар». В этом плане логика Сталина и его соратников по доктринально-догматическому преобразованию революционного учения в консервативно-охранительное — безупречна. «Сталинский советский консерватизм в 1930-е годы, — пишет Ю.В. Пущаев, — это некий поворот, частичный и очень ограниченный, к русским дореволюционным традициям с целью укрепления общества в сфере семейной политики, образования, обороны и внешней политики. ...Конечно, такой поворот во многом был противоположен самому началу революционных 20-х годов Советской власти...» [12, 19].

Марксизм догматический или марксизм творческий. «Я стою на почве творческого марксизма», — говорил Сталин. «Старый» («революционный») марксизм, отрицавший возможность построения социализма в одной стране, стал восприниматься как «догматический» («цитатный марксизм», «начетничество», «талмудизм»). Марксизм же в новой интерпретации Сталина подавался как творческий, каковым он, собственно, и являлся, будучи поставленным на службу Советскому государству.

Итак, говорить об «омертвлении» марксизма не приходится, но лишь о его приспособлении к постоянно меняющемуся интересам государства. Следует согласиться с М.И. Воейковым в том, что «нельзя утверждать, что Сталин специально и преднамеренно выхолащивал марксизм. Объективизируя ситуацию, наверное, можно предположить, что Сталин самым ходом вещей был поставлен в следующее положение: с одной стороны, необходимо было внушать и поддерживать в людях уверенность, что можно построить хорошее (т.е. социалистическое) общество вне зависимости от мировой революции и мирового рынка; с другой стороны, надо было связывать это строительство с учением и деятельностью Маркса, Энгельса и Ленина, т.е. с теми лозунгами и идеями, которые были провозглашены в начальный период русской революции. И, наверное, это было самое простое и доступное практическое решение» [4, 52].

Совершенство марксистско-ленинскую идейную систему (разумеется, на основе реальной политической жизни и достижений), Сталин вполне творчески (что не значит «вольно», «по произволу», в чем его нередко обвиняют) обращался с наследием предшествующих ему классиков, прочно увязывая создаваемый «ленинизм» с интересами государства, подчиняя теорию — государству, так что советская философия, говоря словами Н.А. Бердяева, вошла в пятилетний план: «Теоретический разум должен быть соединен с практическим разумом. Философская работа должна быть соединена с трудом, с социальным строительством, должна его обслуживать. Советская философия входит в пятилетний план» [2, 176]. Более того, продолжая аналогию, можно сказать, что без философии и сам пятилетний план был бы неполон.

«Догматическая система» предполагала разработанную систему баланса собственно «догматики», теории и риторики: определённые положения теории, но не сущностные (например, классовый подход), при конкретных обстоятельствах могли изменить свой статус, или же, наоборот, положения, перестающие удовлетворять интересам и потребностям государства, могли риторизироваться (см. прим. 2).

В определённых пределах допускался «маневр», лавирование между постулатами и обстоятельствами. Крайне редко этот

механизм догматизации-риторизации применяется к важнейшим максимам, но бывало и такое: так, фундаментальный догмат марксизма о мировой революции с начала 1930-х годов подвергается риторизации; плавно и в разной мере риторизируются и концепции пролетарского интернационализма и диктатуры пролетариата. Однако даже такие аксиомы перестают быть аксиомами, если внутренние потребности развития государства требуют усиления патриотических установок. «Мировой революционаризм» стал мешать и советской внешней политике, а саморепрезентация СССР как «государства диктатуры пролетариата» не позволяла развивать более тесные политические и экономические отношения с ведущими европейскими государствами и с США. И вот тезис о мировой революции был отброшен и выведен за пределы теории и (не полностью) идеологии.

Классовый подход или общенародное государство? «Классовый подход» — фундаментальная установка марксизма, она принципиально неустранима. Возможно, именно поэтому Сталин так и не отважился провозгласить СССР всенародным государством, хотя советская мысль, инспирируемая им, приближалась к такой постановке не только в 1947 г., когда был окончательно разработан проект третьей Программы ВКП(б), но и в 1936 г., когда перед опубликованием проекта новой Конституции в разного рода и статуса публикациях, в т.ч. и в главном теоретическом журнале партии «Большевик», — СССР стал подаваться как всенародное государство.

Ввели «общенародное государство» в 1961 г., в принятой Программе КПСС. С целью примирить классовую сущность и неклассовую политическую форму Советского государства, сгладить это противоречие в полную силу была задействована квазимарксистская политическая риторика — установился «консенсус», состоящий в том, что общество в СССР остаётся классовым, государство же тем не менее полагается как общенародное (внеклассовое государство классового общества).

Грани между классами и социальными группами, как и между двумя формами социалистической собственности, стираются, и они (классы и формы собственности) всё заметнее сближаются, с тем, чтобы при подходе к коммунизму слиться в единое социалистическое общество с единой формой собственности. Нело-

гичность этих построений преодолевалась назойливостью риторики и активным использованием хорошо подобранных цитат классиков. Руководствовались при этом сталинским подходом, суть которого «сводилась к тому, что сначала должно быть выработано единственно правильное толкование этих проблем, а затем его следует подкрепить и иллюстрировать специально отобранными документами, а ещё лучше — цитатами» [9, 169].

Как видно, «догматическая» система строилась на основе «базисной теории» и анализа текущей внутрисполитической и геополитической обстановки и перспектив развития; но, будучи построена, получала своего рода автономное существование (и в дальнейшем следовало скорее теорию приближать к «догматике»), ведь её функция — не только теоретическая (сложно обзреть и осмысливать происходящее и тем более намечать какие-либо перспективы без необходимой «оптики»), но и «практическая»: быть каноном для единомыслия в государстве. Единое идейно — государство будет единым и политически. Здесь без труда прочитываются идеи, развернутые в «Государстве» Платона.

Вообще, отблеск платоновских вечных идей в мироощущении Сталина чувствовали многие. Довольно ярко это выразил Милован Джилас, написавший, что «для Сталина все было переходящим. Но это была его философская точка зрения. Потому что за переходящим и в нём самом — за данной реальностью и в ней самой — скрываются некие абсолютные великие идеалы, его идеалы, к которым он может приблизиться, конечно, исправляя и сминая при этом саму реальность и находящихся в ней живых людей» [6, 56].

Если же говорить о таинственной близости платонизма и большевизма в целом, то следует согласиться с Ю.В. Пушаевым в том, что «в каком-то смысле впервые в истории человечества исполнилась мечта Платона. К власти пришли если не оригинальные философы как таковые, то их ученики — научные специалисты по идейной, политической и социальной борьбе, в основе которой лежала определённая философия» [15, 9].

Сакральность идеологии государственного марксизма. Советское государство не могло обойтись без «сакральных» текстов, без единого «идейного канона», без этого мира вечных плато-

новских идей, — именно это имел в виду Сталин, когда воскликнул: «Без теории нам смерть, смерть!». В 1938 г. Сталин, обращаясь к партийным руководителям, говорил: «Теория — это есть законы развития общества и руководство к тому, чтобы, если старых законов не хватает, открыть новые. Это очень хорошая штука, уверяю вас. И не так страшно, как вы думаете, надо только заняться как следует. Теория — дело наживное, ничего особенного, вы не пугайтесь» [8, 455].

Мировые расклады интересов, классовые соотношения, международные силовые балансы, союзы, договоры и пр. — все это изменчивый мир, «мир подобий», находящийся в непрестанном становлении. Куда двигаться, какие решения принимать? Чтобы уверенно ориентироваться в нестабильном мире вечного становления, ставить цели и достигать их, нужно на что-то опираться, на что-то неизменное, стабильное, неподвластное суетным изменениям: «И если кто спросит, — говорил Сталин, — как же у вас нет ничего вечного? Сегодня одно, а завтра другое. Как же жить? Надо объяснить так: если вы хотите быть марксистами, то должны понять, что основы теории не меняются, а отдельные положения могут изменяться, значит, головой надо думать» (цит. по: [8, 463]).

Но кто определяет, что в теории вечно, а что изменчиво, и если что-то в ней должно измениться (или следует изменить), то что именно? Вот ещё одно высказывание Сталина, обращенное к советским руководителям и экономистам: «Если хотите на всё искать ответов у Маркса, пропадёте. Вы имеете такую лабораторию, как СССР, который существует больше 20 лет, а думаете, что Маркс должен был знать больше вас о социализме. Не предусмотрел, видите ли, Маркс в “Критике Готской программы”! Надо самим головой работать, а не нанизывать цитаты. Новые факты есть, новая комбинация сил, извольте головой работать» (цит. по: [7, 318]).

Конечно, в этом высказывании больше иронии по отношению к Марксу, чем призывов к самостоятельному «творческому развитию» его теории. Если все ринутся «головой работать, а не нанизывать цитаты» — то и *вечное* превратится в свою противоположность, и единомыслия не достичь. Поэтому нужна «догматика», чтобы противостоять самостоятельности вне рамок доз-

воленного, чтобы направить политиков и идеологов в верном направлении. С другой стороны, действуя в обозначенном направлении, они, по мысли Сталина, не должны были превращать формулы в заклинания, а предписываемые действия – в ритуалы, но именно руководствоваться каноном, творчески действовать в русле «генеральной линии».

Задача достижения единомыслия актуализируется с достижением Сталиным политического доминирования, что можно констатировать к концу 20-х – началу 30-х гг. По словам, В.Г. Мосолова, «к этому времени победа Сталина над внутривластной оппозицией во всех её формах, прежде всего в вопросе о строительстве и характере развития социально-экономической и политической жизни Советского Союза, поставила в порядок дня задачу установления окончательного идеологического единообразия в партии. Здесь речь шла в первую очередь о завершении оформления марксизма-ленинизма как единой и единственно верной теории, в которой центральной и наиболее важной фигурой становился Сталин» [9, 185].

«Государственный марксизм» СССР – это политико-догматическая идейная система, включающая элементы теории (но не сводимая к теории), являющаяся фундаментом государственной идеологии, в основе которой лежит универалистская концепция истории и политики, экономического и политического развития общества, созданная Марксом и Энгельсом, развитая и обоснованная применительно к первому государству победившего социализма Лениным и Сталиным. В своём содержательном аспекте советский марксизм базируется на текстах основоположников и классиков марксизма-ленинизма (Маркс, Энгельс, Ленин), а также на текстах мыслителей, признанных и «утверждённых» партией в качестве классиков или приравненных к ним. Так вышло, что в этом списке состоит один лишь Сталин, но теоретически список мог быть длиннее. Заметим при этом, что тексты Сталина после 1956 г. имплицитно влияли на развитие марксизма-ленинизма в СССР не в меньшей степени, нежели до XX съезда КПСС.

Как и любая теория, советский марксизм нуждается в творческом развитии, которое осуществляется под руководством партии и результаты которого представляются в важнейших, уста-

новочных партийных документах: программа партии, материалы съездов, конференций и пленумов; постановления по всем вопросам «жизни и мысли» Советского государства. «Государственный марксизм» получает развитие в трудах и выступлениях руководителей партии и государства, заведомо имеющих статус уставочных; а также в разного рода текстах, не имеющих дискуссионного характера (хотя они могли быть квазидискуссионными) — от научных статей и монографий до газетных публикаций, прямо или косвенно инспирированных партией (или очевидно идущих в русле текущей её линии), интерпретирующих старые и пропагандирующие новые положения «теории-догматики».

Политико-догматическая идейная система, выстроенная Сталиным, в чем-то напоминает церковную догматику, — прежде всего, по статусу своего содержания (аксиоматичность, непререкаемость), а также в некоторых формальных и функциональных аспектах. Имеются в виду не собственно содержательные моменты, при сопоставлении которых легко увлечься игрой в «сравнительное богословие» (пролетариат — мессия, партия — церковь, съезды партии — церковные соборы, а вождь — *pontifex maximus*, и т.п.), как это делает, в частности, Р. Арон в своем «Опиуме интеллектуалов» (об этом см.: [10]).

Здесь не следует забывать о православном богословском образовании Сталина. Более важным моментом является соотношение в православии духовного опыта, той же догматики, — и инстанции, церковной иерархии, когда религия как институт важнее религии, понимаемой как духовный опыт, — пишет А.М. Эткинд: «Откровение дано не отдельным людям, а всему обществу верующих, составляющих церковь; поэтому мнение церкви является высшим авторитетом и более важно, чем непосредственно получаемые откровения. ...Самые великие подвиги, наложенные на себя самовольно, вменяются ни во что. Лучше *не* верить, чем верить явлениям и откровениям, так всегда возможны ошибки относительно их источника» [21, 122].

Партия была в СССР источником государства, власти и закона — своего рода божественной инстанцией, которая должна была иметь и своё «метафизическое орудие», быть вооружена «передовой теорией»: по словам А.В. Юрчака, «играя направляющую роль в обществе — то есть будучи носителем уникального знания об

истине, — партия находилась как бы *за пределами* общества, осуществляя руководство из этой внешней по отношению к социуму сферы» [20, 96]. Роль партии по отношению к «единому и единственному учению» состоит в его догматическом, научном, идеологическом оформлении, трансляции, развитии и защите от враждебных и оппонирующих идей, концепций, теорий и доктрин (равно как и во взаимодействии с ними): «Ленинизм, — говорит В.Г. Мосолов, — и в более общем плане — марксизм-ленинизм, в каждый данный момент равен самому себе, а каким он должен быть в этот момент или в данном отношении — это решает партия, её руководство, в конечном счете, её вождь» [9, 209].

Милован Джилас, восхищаясь сталинским умением «соединить марксистско-ленинское учение с властью, с государственной мощью», определяет «сталинский марксизм» следующим образом: «Это марксизм партии, жизненная необходимость которой — превращаться во власть, в “ведущую”, господствующую силу» [6, 140]. Однако этот сталинский государственный прагматизм не следует абсолютизировать, как если бы марксизм-ленинизм при необходимости, а то и желании, мог быть заменен на другую теорию, более подходящую в данный момент для государства: «Большевизм, — пишет в этой связи Н.А. Бердяев, — оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды... Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа» [2, 131].

Государственнический статус идеологии советского марксизма. Марксизм был сущностно связан со Страной Советов, и поэтому никак нельзя полагать марксистско-ленинскую догматику и идеологию некоей завесой, флёром «истинных намерений» вроде восстановления Империи и т.п. Опять же, нет спора при этом, что советское (как и любое другое) государство не могло идти вслед за максимами и постулатами марксистско-ленинской (как и любой другой) теории, подчиняясь идеям и текстам, тем более что идеи можно переинтерпретировать, а тексты — «откорректировать» (со всеми подобающими ссылками на труды основоположников). Основы же теории, т.е. её фунда-

ментальные аксиомы («догмы»), невозможно изменить или переформулировать без последствий для государства. Поэтому они и должны оставаться *по возможности* «самотождественными» и быть именно *руководством* к действию, а не его алгоритмом.

Дело вовсе не в том, что, как сказал К. Шмитт, «диктатура — противоположность дискуссии» [19, 95]. Жизнь Советского государства — не перманентная дискуссия и полемика, а идеология — не праздник политического интеллекта, не творческое производство новых форм и смыслов в изменчивом политическом пространстве, когда все положения непременно нуждаются в «дальнейшей разработке». Речь, конечно, не о любом тезисе и отнюдь не о любом теоретиком, возжелавшим «развить теорию» или озарённым какой-то особо яркой идеей (или ангажированным отнюдь не в идейном смысле).

Перри Андерсон, очень внимательный исследователь интеллектуального развития марксизма, совершенно несправедливо и некорректно говорит: «К тому времени, как правление Сталина достигло своего апогея, марксизм в России практически был сведен к формальному упоминанию. Страну, занимавшую в мире передовые позиции в развитии исторического материализма и обогатившую Европу разнообразием и силой ума своих теоретиков, за десятилетие превратили в полуграмотное болото, в страну, выделявшуюся лишь своей жесткой цензурой и грубой пропагандой» [1, 39]. Исследователь не хочет замечать, что учение, ставшее мировоззрением (идеологией) правящей партии и государственной идеологией, источником доктринальных разработок и решений, неизбежно «догматизируется» (становится общеобязательной догмой), каноном, так что «разнообразие ума», несанкционированное творчество в обстановке внешних (да и внутренних) угроз и политической мобилизации народа не может быть допущено. «Догматическая» сфера должна быть защищена от «несанкционированного» вмешательства.

Сталин осуществил непростую операцию по сборке из западных концептов логичной и прочной конструкции, которая стала идейным фундаментом Советского государства: речь шла, по словам Д. Бранденбергера, о «гегемонии нового политического языка», которая «дала толчок развитию особой советской формы социальной идентичности» [3, 25]. Эта конструкция была

предъявлена тому же Западу, при этом цель завоевания успеха у значительной части западной аудитории (не только прокоммунистической) была достигнута. «Пролетариат», «класс», «диктатура», «партия», «марксизм», «империализм», «капитализм», «социализм» – все эти концепты были слиты с новыми государственноцентричными идейными и политическими установками, выровнены по новой «генеральной линии», вписаны в одну схему, в платоновский чертёж нового идеального государства. Так получился «государственный марксизм», который хорошо послужил Советскому государству.

Марксизм-ленинизм как советское «государственно-догматическое» учение сыграл однозначно положительную, благотворную роль при идейно-идеологическом строительстве советского государства; он достаточно успешно исполнял цементирующую и ориентирующую роль в жизни государства и его деятельности в сложнейшей геополитической обстановке второй половины XX в. И когда в наши дни часто повторяют, что нашему государству не хватает идеологии, и потому срочно требуется идеология, то стоит ли забывать о том, что успешная и эффективная идеология у нашей страны когда-то уже была?

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Андерсон П.* Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма. – М.: Common place, 2016. – 350 с.
2. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. – СПб.: Азбука, 2016. – 221 с.
3. *Бранденбергер Д.* Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1917-1941. – М.: РОССПЭН, 2017. – 365 с.
4. *Воейков М.И.* Марксизм и Россия: от теории к практике и обратно // Вопросы политической экономики. – 2018. – № 2. – С. 39-54.
5. *Войтоловский Ф.Г.* Единство и разобщенность Запада: Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка. 1940-2000-е годы. – М.: Крафт+. 2007. – 452 с.
6. *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. – М.: Новости, 1992. – 539 с.
7. *Журавлев В.В.* Сталин и экономическая дискуссия 1951 г. в СССР (к проблеме сталинского теоретического наследия) // Советское государство в период позднего сталинизма. 1945-1953 гг.: Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4-6 декабря 2014 г. – М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2015. – С. 314-325.
8. «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история: В 2 ч. / Сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. Ч. 1. История текста «Краткого курса истории ВКП(б)». 1931-1956. – М.: РОССПЭН, 2014. – 794 с.
9. *Мосолов В.Г.* ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921-1956. – М.: Новый хронограф, 2010. – 599 с.

10. *Никандров А.В.* «Идеологические споры» в политике: концепция «секулярной религии» Раймона Арона в идейном противостоянии интеллектуалов // Вопросы философии. — 2015. — № 7. — С. 49-61.
11. *Никандров А.В.* Несостоявшаяся res publica restituta 1948 г.: истоки изменения основного принципа государственного строя СССР в советском политическом дискурсе 30-х годов // Государство и право. — 2019. — № 2. — С. 120-132.
12. *Пуцаев Ю.В.* К вопросу о советском консерватизме. Социальные и гуманитарные науки // Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. Реферативный журнал. — 2020. — № 4. — С. 6-26.
13. *Пуцаев Ю.В.* Философия советского времени: М. Мамардашвили и Э. Ильенков (энергии отталкивания и притяжения). — М.: ИНИОН, 2018. — 356 с.
14. *Рылёв К.Э.* Курс лечения от постмодернизма: путеводитель по современной культуре. — М.: Крафт+, 2011. — 414 с.
15. *Трухан А.В.* Кризис постсоветской идентичности: постановка проблемы в идеократической парадигме мысли // Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим: Коллективная монография / Отв. ред. Т.А. Сеньюшкина. — Симферополь: Н. Орианда, 2022. — С. 28-59.
16. *Фурсов А.И.* Борьба вопросов. Идеология и психоистория: русское и мировое измерение. — М.: Книжный мир, 2017. — 762 с.
17. *Хмельницкий Д.* Архитектура Сталина. Психология и стиль. — М.: Прогресс-Традиция, 2006. — 374 с.
18. *Шаттенберг С.* Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. — М.: Политическая энциклопедия, 2018. — 622 с.
19. *Шмитт К.* Политическая теология. — М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. — 333 с.
20. *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 661 с.
21. *Эткнд А.* Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интёрктах. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 438 с.

Примечания

1. В догматизации как таковой, т.е. в придании марксизму строгих форм и обязательности, нет ничего ни плохого, ни даже необычного, и опыт построения на основе политического учения Маркса и Энгельса, с учетом его развития Лениным, именно «догматической» системы, вполне можно считать не догматизацией, а творческим развитием, применением марксизма в новых условиях. Такая «догматизация» не была не некоей «прихотью» Сталина, не средством «укрепления единоличной власти» или следствием какого-то неумоемого стремления встать в ряд классиков марксизма, но насажденной потребностью руководимого им государства, продиктованной как внутривнутриполитическими обстоятельствами, так и геополитической обстановкой.

2. Что означает «риторизация»? Положение или формула, концепт, утратившие актуальность, перестают влиять на государственную теорию и быть установочными в практической политике. Он не изымается из текстов полностью, но подвергается своего рода «риторическому растворению» в пространственных и подчас пафосных пассажах, превращаясь в клише. Практическая политика, равно как и сфера «государственных ритуалов», перестает «узнавать» риторизируемый концепт как свою установку, следовать ему или выводам из него. Это прочитывается и на уровне политических практик: перестали призывать к мировой пролетарской революции, риторизировали её, — и вот в 1936 г. праздник Первого дня мировой революции был отменён, а после этого советское общество быстро забыло о том, что такой праздник вообще когда-то был.

A.V. Nikandrov

SOVIET «STATE MARXISM» AS IDEAL SYSTEM AND IDEOLOGY

Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow University. E-mail: bobbio71@mail.ru

Abstract: *the article is devoted to the analysis of the Soviet “state Marxism” as the ideological system of the Soviet state. This ideological system was created by Joseph Stalin on the basis of the systems of Marx, Engels and Lenin and served as the foundation for the functioning of the Soviet state ideology in the USSR. Soviet ideology as the ideology of the Soviet socialist state was the basis of the political, economic and cultural life of the USSR.*

Soviet “state Marxism” was created as a “dogmatic”, imperative doctrine. It was formed harmoniously and logically in relation to structure and ideological content. In a structural sense, this ideological system was a unity of theory, “dogmatics” and rhetoric. The Soviet leadership was pragmatic about the ideological heritage of the classics of Marxism-Leninism both during Stalin’s rule and after the end of his reign. The main purpose of Soviet ideology was to establish and maintain the unity of the Soviet state. In addition to legitimizing power, the practical mission of “state Marxism” was to justify domestic and international politics of the Communist party. The author asserts the necessity and beneficial effect of ideology for the USSR.

Keywords: *Soviet ideology, Marxism-Leninism, dogmatism, rhetoric, USSR, state Marxism, Joseph Stalin.*

REFERENCES

1. Anderson P. Razmyshleniya o zapadnom marksizme. Na putyakh istoricheskogo materializma. – M.: Common place, 2016. – 350 p.
2. Berdyayev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. – SPb.: Azbuka, 2016. – 221 p.
3. Brandenberger D. Krizis stalinskogo agitpropa: Propaganda, politprosveshcheniye i terror v SSSR, 1917-1941. – M.: ROSSPEN, 2017. – 365 p.
4. Voyeykov M.I. Marksizm i Rossiya: ot teorii k praktike i obratno // Voprosy politicheskoy ekonomii. – 2018. – № 2. – Pp. 39-54.
5. Voytolovskiy F.G. Yedinstvo i razobshchennost’ Zapada: Ideologicheskoye otrazheniye v soznanii elit SSHA i Zapadnoy Yevropy transformatsiy politicheskogo miroponyadka. 1940-2000-ye gody. – M.: Kraft+. 2007. – 452 p.
6. Dzhlilas M. Litso totalitarizma. – M.: Novosti, 1992. – 539 p.
7. Zhuravlev V.V. Stalin i ekonomicheskaya diskussiya 1951 g. v SSSR (k probleme stalinskogo teoreticheskogo naslediya) // Sovetskoye gosudarstvo v period pozdnego stalinizma.

1945-1953 gg.: Materialy VII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Tver', 4-6 dekabrya 2014 g. – M.: Politicheskaya entsiklopediya; Prezidentskiy tsentr B.N. Yel'tsina, 2015. – Pp. 314-325.

8. «Kratkiy kurs istorii VKP(b)». Tekst i yego istoriya: V 2 ch. / Sost. M.V. Zelenov, D. Brandenberger. CH. 1. Istoriya teksta «Kratkogo kursa istorii VKP(b)». 1931–1956. – M.: ROSSPEN, 2014. – 794 p.

9. *Mosolov V.G.* IMEL – tsitadel' partiynoy ortodoksii: iz istorii Instituta marksizma-leninizma pri TSK KPSS, 1921–1956. – M.: Novyy khronograf, 2010. – 599 p.

10. *Nikandrov A.V.* «Ideologicheskiye spory» v politike: kontseptsiya «sekulyarnoy religii» Raymona Arona v ideynom protivostoyanii intellektualov // *Voprosy filosofii*. – 2015. – № 7. – Pp. 49-61.

11. *Nikandrov A.V.* Nesostoyavshayasya res publica restituta 1948 g.: istoki izmeneniya osnovnogo printsipa gosudarstvennogo stroya SSSR v sovetskom politicheskom diskurse 30-kh godov // *Gosudarstvo i pravo*. 2019. – № 2. – Pp. 120-132.

12. *Pushchayev Yu.V.* K voprosu o sovetskom konservatizme. Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki // *Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura*. Ser. 3: Filosofiya. Referativnyy zhurnal. 2020. – № 4. – Pp. 6-26.

13. *Pushchayev Yu.V.* Filosofiya sovetskogo vremeni: M. Mamardashvili i E. Il'yenkov (energii ottalkivaniya i prityazheniya). – M.: INION, 2018. – 356 p.

14. *Rylov K.E.* Kurs lecheniya ot postmodernizma: putevoditel' po sovremennoy kul'ture. – M.: Kraft+, 2011. – 414 p.

15. *Trukhan A.V.* Krizis postsovetskoy identichnosti: postanovka problemy v ideokraticheskoy paradigme mysli // *Natsional'naya identichnost' i kollektivnaya pamyat': mezhdru proshlym i budushchim: Kollektivnaya monografiya / Otv. red. T.A. Senyushkina*. – Simferopol': N. Orianda, 2022. – Pp. 28-59.

16. *Fursov A.I.* Bor'ba voprosov. Ideologiya i psikhistoriya: russkoye i mirovoye izmereniya. – M.: Knizhnyy mir, 2017. – 762 p.

17. *Khmel'nikskiy D.* Arkhitektura Stalina. Psikhologiya i stil'. – M.: Progress-Traditsiya, 2006. – 374 p.

18. *Shattenberg S.* Leonid Brezhnev. Velichye i tragediya cheloveka i strany. – M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2018. – 622 p.

19. *Shmitt K.* Politicheskaya teologiya. – M.: Kanon-Press-TS, Kuchkovo pole, 2000. – 333 p.

20. *Yurchak A.* Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Posledneye sovetskoye pokoleniye. – M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2017. – 661 p.

21. *Etkind A.* Tolkovaniye puteshestviy. Rossiya i Amerika v travelogakh i intertekstakh. – M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2001. – 438 p.

Поступила в редакцию – 15.01.2023 г.